

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *А. Дурасова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Бомба за пазухой / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-205595-9

После освобождения Ставрополя от фашистов в районе Абрау-Дюрсо осталась банда агентов абвера и гитлеровских приспешников. Диверсанты стали охотиться на старших офицеров Красной армии, отбирать у населения ценности. Ликвидировать недобитков поручено офицерам СМЕРШ Василию Бойко и Алексею Зыкову. Оперативники идут по следу бандитов: прочесывают местность, поднимаются в горы, ликвидируют снайперские лежки. В последний момент выясняется, что охота за комсоставом и грабежи мирных жителей — это лишь прикрытие. На самом деле у головорезов другая задача, выполнение которой может повернуть вспять ход всей войны...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205595-9

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

Ночь была душная, простыня сбилась комком где-то под боком и мешала дышать. Алексей Зыков метался по кровати, впиваясь пальцами в мокрую от пота подушку, и никак не мог крикнуть: «Слушай мою команду!»

Немцы выдохались, об этом знали командиры, но солдаты в окопах видели, как на них прут и прут, не считаясь с потерями, танки, как за танками с бронетранспортеров высаживается вражеская пехота и снова разворачивается в цепи. Замолчал ручной пулемет в двадцати метрах от Алексея. Еще один «станкач» перевернуло взрывом и засыпало землей пулеметную ячейку. Артиллеристы на руках закатывали на линию первых окопов «сорокапятки». Все! Стоять до конца, не дать фашистам прорваться! Умереть, но стоять здесь!

Лейтенант Алексей Зыков хорошо знал о планах фашистов и своего командования

здесь, на южном фланге Курской дуги, как ее недавно стали называть в войсках. Эшелонированная оборона должна была измотать, обескровить врага, а потом будет нанесен мощный сокрушительный удар, который позволит нанести врагу такой урон, что фактически группа армий «Центр» перестанет существовать. Немцы так старательно готовились к наступлению на этом участке, что даже стали снимать части со Сталинградского фронта, из-под Москвы, Ленинграда. Победа здесь означала ослабление врага и на других участках фронта. Это был конец успехам вермахта на Восточном фронте. И все зависело от солдат здесь, в обороне. Надо удержаться, надо устоять. Алексей улыбался, понимая, что танкам не пройти. Сколько солдат погибнет, но все равно не пройдут. Неизбежная жертва богу войны, но это святая жертва, это вклад каждого в светлое будущее страны, свободы своей Родины. Алексей готов был сам умереть, лишь бы приблизить этот день!

И тут случилось страшное — блиндаж командного пункта полка вдруг вздыбился, взметнулся вверх черным столбом земли, дыма, полыхнул в недрах этого чудовищного фонтана огненным шаром, и полетели в разные стороны бревна и еще что-то, о чем не хотелось думать. То ли просто выброшенные взрывом офицер-

ские шинели, то ли разорванные в клочья тела командиров.

Алексей застонал в голос и бросился было вдоль окопа к дымящейся воронке от крупнокалиберного снаряда, убившего командование стрелкового полка, но потом остановился. Там уже делать нечего, там уже никому и ничем не поможешь. Оглянувшись по сторонам, лейтенант вдруг увидел застывшего как статуя рядового Вальку Мухина — вестового командира полка.

— Мухин! Ты что? Очнись! — рванул он солдата за плечо.

— Там, — Мухин вытаращил переполненные ужасом глаза, — там же все... там же всех сразу...

Да, эта мысль теперь засела и в голове лейтенанта. Зыков как-то сразу осознал, что на КП полка вызвали всех ротных, комбаты тоже были там. Там были и связисты, там находился корректировщик с артиллерийской батареей. Кто остался в боевых порядках стрелковых батальонов? Несколько молодых необстрелянных взводных лейтенантов из последнего пополнения. Были там и более опытные взводные командиры, но кто из них знает, кто видел, что произошло здесь?

— Рядовой Мухин! — крикнул чуть ли не в ухо бойца Зыков. — Бегом на капэ дивизии!

Передать на словах следующее: «Снарядом уничтожен командный пункт полка. Связь прервана. Командование принял на себя лейтенант Зыков из особого отдела. Огонь артиллерии по ориентирам 3, 6 и 8». Повторить!

— Снарядом капэ, — послушно пробормотал солдат, глядя на лейтенанта. — Погибли все, вы принимаете командование...

— Ориентиры! — тряхнул вестового Зыков.

— Три, шесть и восемь, — кивнул боец и судорожно сглотнул.

— Бегом, Мухин, бегом! Мы продержимся, а ты добеги, родной. Добеги!

Добежать было сложно. Около километра в чистом поле под непрекращающимся огнем врага, по открытой местности. А в полку и так были очень большие потери за эти несколько дней непрерывных боев. Но бывает такое в жизни, и особенно на войне, когда другого выхода просто нет, не существует и не может существовать — только выстоять. И Зыков бросился бежать к первой линии.

— Слушай приказ! Станковые пулеметы на фланги, все пулеметы на фланги. «Сорокапятки», огонь открывать на шестистах метрах. Ружейный огонь по команде. Отсекать пехоту от танков!

Взводные довольно быстро поняли, что произошло. Заговорили бронбойные ружья. Командиры приказали сменить позиции и по целям били по три-четыре бронбойщика с разных позиций, под разными углами, потому что танки пришлось подпускать очень близко. Бить из «сорокапятки» с большой дистанции — это значит уменьшить поражаемость и раскрыть позиции артиллеристов. Их расстреляют танками еще с расстояния восьмисот метров, держа на постоянном прицеле. Надо было рисковать, и Зыков принял это решение.

Танки горели, нещадно чадили, застилая поле боя черным дымом, пехота поднималась и снова ложилась, прижатая огнем. Немцы маневрировали и пытались прорваться то на одном, то на другом участке обороны. У Зыкова сжалось сердце, когда он увидел, что немецкие танки начали утюжить гусеницами передовые окопы одного из батальонов. Но там справятся, выстоят, это сейчас не важно, что враг дошел до первых окопов. Полетели гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Кажется, даже началась рукопашная схватка в окопах. А потом ударила корпусная артиллерия...

Это потом, когда его отправляли в госпиталь, Зыков узнал, что они дрались два часа, целых два часа продержались и не отошли. Ему

тогда, во время боя, показалось, что бой длился весь день и даже начало смеркаться. А это просто дым закрыл солнце. И потом, когда его, контуженого, в рваной закопченной гимнастерке укладывали на носилки, он все хватал рукой кого-то и требовал признания, что они выстояли, что фашист пока не прошел на участке обороны. И уже теряя сознание от боли и потери крови, Алексей как в тумане увидел широкое лицо с усами. То ли показалось в горячечном бреде, то ли правда этот человек сказал: «Спасибо тебе, сынок!»

Утро было теплое, солнечное, и ощущать себя небритым в такое утро было неприятно, даже как-то унижительно. Зыков уселся на кровать возле тумбочки и повернул к себе настольное зеркальце. Да, вот что значит лень, вот что значит расслабиться в тылу, перестать следить за собой. Ладно, когда его только привезли с ранением и контузией, было не до бритья. Но потом-то Алексей начал бриться самостоятельно, а позже, по мере выздоровления, расслабился совсем. Непорядок! Зыков нахмурился. На передовой, когда полк дрался в обороне, он все равно находил возможность бриться. Хотя бы через день. Но офицер должен быть примером для подчиненных.

— Любуешься? — раздался за спиной голос майора Агафонова, лежавшего на соседней койке. — На свиданку собрался, медсестричек охмурять?

— Ну почему же на свиданку, — скрывая раздражение, ответил Алексей. — Просто привести себя в порядок хочется.

— Знаем мы вас, таких, — снова проворчал раненый сапер. — То-то Лидочка все снует к нам в палату, да все к тебе. А между прочим, тут и другие есть, и тяжелые, а ты уже выздоровливающий.

— Ну, зашла несколько раз, так зачем же выводы делать, — нахмурился Зыков. — А для раненых у нас свои сестрички есть. Она же из другого отделения. А с Лидой мы просто дружим. Мы с ней из одного города.

— Знаем мы ваши сказки, наслушались. Моего заместителя ночами дергали на допросы с такими вот сказками. А потом, когда мы переправу во время наступления строили под бомбами, когда его взрывом сбросило в реку, а тело не нашли, твои такие же вот в дезертиры списали. Не в пропавшие без вести, а в дезертиры. И десяток человек видели, как он упал в воду, но особистам ведь свидетели не указ, у них свои планы и отчеты по врагам народа!

— Товарищ майор, — не выдержал Зыков, — почему вы судите обо всей организации по отдельным людям?

— Ты что, лейтенант, воспитывать меня собрался? Уму-разуму учить?

Алексей стиснул зубы и промолчал. Он молча поднялся и пошел к титану за горячей водой. Разговоры разговорами, а побриться необходимо. Вчера вечером лечащий врач Степан Андреевич подмигнул ему и весело сказал, что утром приедет начальство. В том числе и по его, Алексея Зыкова, душу. Агафонов замолчал, отвернувшись на своей кровати к стене. Алексей с удовольствием побрился, подушился остатками одеколона, которые берег именно для таких торжественных случаев. А потом не спеша сменил белый подворотничок на больничном халате. Все, он был готов к приезду начальства. Но на что намекал Степан Андреевич?

Около одиннадцати часов в коридорах затопали сапоги, торопливо забегали сестрички и санитарки. Зыков замер, сидя на своей кровати, не понимая, чего это он так разволновался. Как мальчишка в начале урока, когда взгляд учителя скользит по списку в классном журнале в поисках, кого бы вызвать отвечать домашнее задание. В соседней палате наступила тишина, а потом там забубнили властные командирские

голоса. Потом громко и нескладно захлопали в ладоши. А потом снова в коридоре затопали сапоги, и Алексей не удержался и поднялся с кровати, держась за спинку. Он даже не замечал, что сжимал железную спинку кровати так, что побелели пальцы.

— Здравствуйте, товарищи! — прогремел, пронесся эхом под высоким потолком палаты властный командирский голос.

Зыков вздрогнул и понял, что так глубоко задумался, что не заметил, как в палату вошла процессия во главе с начальником госпиталя и крупным плечистым полковником в накинутом на плечи белом халате. Лежачие раненые начали приподниматься на подушках, те, кто уже мог ходить, поднялись. Зыков тоже вытянулся, как мог, хотя больничный халат никак не мог подчеркнуть выправку молодого офицера. Он с удовольствием отметил, что за спинами персонала и гостей стоит Лидочка. И только потом Алексей стал рассматривать гостей. Капитана с портфелем и подполковника с пехотными эмблемами, который скромно стоял за спинами военных и врачей.

— Ну, как здоровье, герои? — с широкой улыбкой осведомился полковник. — Выздоровливайте, товарищи! Вы очень нужны на фронте. Великие дела начинаются. Бьем фашиста

в хвост и в гриву, бежит враг с нашей земли! А Родина о вас не забывает, товарищи. Я уполномочен командованием фронта вручить награды наиболее отличившимся.

И полковник взял из рук капитана первый наградной лист. Награды получили два офицера, и третьим, к большому удовольствию Алексея, назвали его. Он заметил, что подполковник из-за спин врачей подвинулся ближе к первому ряду и теперь смотрел на молодого лейтенанта. Представитель штаба фронта взял наградной лист, посмотрел в него, но зачитывать содержимое не стал. Он опустил бумагу и обвел взглядом раненых в палате.

— А вот по поводу лейтенанта Зыкова мне хочется сказать не казенным языком наградного листа, а словами командира, старого солдата. Много подвигов я видел на фронте, много героев прошло перед моими глазами. Но тут случай особый. Лейтенант Зыков не пехотный командир, не артиллерист, не танкист. Он оперуполномоченный Смерша, особого отдела, как раньше называлась наша контрразведка в войсках. Его задача — борьба с вражескими шпионами, диверсантами. Но когда его полк находился на передовой, на линии обороны, когда враг пер на позиции всей своей звериной мощью, случилась беда. Такое бывает на войне.

Одним снарядом крупного калибра накрыло командный пункт полка. И когда часть осталась без командиров, без связи, быстрее всех отреагировал именно лейтенант Зыков. Отправив связного в штаб дивизии, он принял командование на себя и два часа фактически руководил действиями полка. Руководил умело, грамотно. Полк благодаря лейтенанту Зыкову выполнил поставленную задачу, не отошел ни на метр, отразив все атаки врага. Вот он, наш герой, вот каких сынов дает наша Родина, наш комсомол. И Родина благодарит своего славного сына и награждает его орденом Красной Звезды. А еще слово хочу предоставить представителю главного управления Смерша, подполковнику Уланову.

Подполковник протиснулся из-за спин медиков, подошел к Зыкову и крепко пожал руку. Он достал из планшета новенькие офицерские погоны с тремя звездочками и протянул Алексею.

— Поздравляю, герой, с присвоением очередного воинского звания старший лейтенант. Гордимся тобой!

Алексей пожал руку подполковника, он жал еще чьи-то руки, его хлопали по плечам. И сейчас лейтенант был взволнован не тем, что на него с восхищением смотрела Лидочка. Обидно было, что майор Агафонов продолжал

лежать лицом к стене. Ведь слышал все сапер, понял, что Зыков не такой, каким он представлял особиста, что все это чепуха и глупости, что про них иногда говорят в войсках. Алексею было важнее сейчас мнение фронтовика, который все это время относился к нему с неприязнью.

Гости ушли. Выздоровливающие офицеры стали хитро перемигиваться, шушукаться, когда рядом не было медсестер и санитарок. Один из них подошел к кровати Агафонова и потрепал майора за плечо.

— Товарищ майор, Илья Степанович! Вы как, в долю входите? Мы тут небольшое нарушение режима задумали. Товарищ майор...

Офицер потянул Агафонова за плечо, и тут тело сапера безвольно повернулось.

...Когда тело увезли на каталке и санитарка свернула белье на кровати, в палату вошел врач Степан Андреевич. Он постоял у кровати майора, похлопал по спинке, а потом повернул грустное усталое лицо к раненым.

— Вот так вот бывает. И ничего с этим не поделаешь. И ампутацию перенес, думали, обойдется, а вот маленький осколочек все же добрался до сердца. Не всесильна еще медицина. Не могли мы его вытащить, а осколок продолжал убивать и убил-таки. — Врач строго

посмотрел на обитателей палаты, и голос его сделался строгим. — А вам — не хныкать и не расслабляться. Жить, выздоравливать и оставаться мужчинами. Родина вас ждет, враг ее топчет. А кому суждено... ну что ж. Вечная память...

«Он так и не понял меня, так и не простил, — думал Алексей, глядя в окно. — Для него я так и остался... даже не могу сказать кем. Но эта неприязнь, граничащая с ненавистью. Почему, за что? Да, во всем виноваты люди, потому что они, независимо от занимаемой должности, остаются людьми, со своими недостатками, странностями. А потом вот такие, как Агафонов, ненавидят всех, кто имеет отношение к этой организации. И как с этим бороться, что с этим делать? Ничего, надо просто честно служить Родине, вот и весь рецепт!»

Через неделю, в новенькой форме, купленной в Военторге взамен своей истрепанной, латаной-перелатаной, Зыков прощался с товарищами по палате. Новенькие погоны с тремя звездочками и орден Красной Звезды на груди приподнимали настроение; и в то же время он испытывал грусть. Грусть от того, что сейчас он попрощается с Лидочкой. Наверное, она будет писать ему какое-то время, а он даже станет отвечать на ее письма. Но, честное слово, война

не время для завязывания серьезных отношений. Он едет на фронт, а там может случиться всякое; и зачем мучить девушку несбыточными мечтами. Может быть, ей еще встретится хороший человек, и она выйдет за него замуж, когда война кончится. А пока придется запретить себе всякие мысли о личном, о семье, о девушках.

Но Лида все же прибежала к автобусу, который должен был доставить выписавшихся после излечения офицеров на железнодорожную станцию. Она держала в руках небольшой букетик цветов, а под глазами у девушки темнели круги от бессонных ночей и огромной усталости.

— Алексей! — выпалила Лидочка и тут же потупила взор. — Леша, ты уезжаешь снова на фронт, и я хочу, чтобы ты знал...

— Я все знаю, Лида, — Зыков взял из девичьих рук букетик и задержал ее пальчики в своих руках. — Я буду помнить о тебе. Спасибо за все: за внимание, за уход. Ты замечательная девушка...

— Но ты меня не любишь? — Лида подняла на Зыкова глаза, в которых вот-вот готовы были появиться слезы. — У тебя есть другая?

— У меня никого нет, никакой девушки, — улыбнулся Алексей. — Война, меня могут

убить. Но когда мы победим, когда я вернусь с победой, тогда...

Зыков неумело поднес девичью руку к губам, поцеловал пальчики, а потом подхватил свой вещмешок и поспешно запрыгнул в автобус. Он не любил долгих и мучительных прощаний. Но удержаться не удалось, и Алексей, когда автобус уже тронулся, все же обернулся. Худенькая, в белом приталенном халате, Лида стояла и махала рукой. На старшего лейтенанта в автобусе смотрели другие офицеры, но никто не отпускал шуточек в его адрес и в адрес медсестрички Лидочки. Офицеры только молча улыбались, отводя взгляды.

В управлении Смерша фронта Зыкова встретили с какой-то странной настороженностью. За окном шел проливной дождь, грузовики и легковушки вязли в грязи, проносились, разбрызгивая грязную жижу. В здание то и дело забегали и выбегали офицеры в промокших плащ-палатках. Алексей уже минут двадцать сидел на стуле напротив дежурного, который что-то заполнял, вносил какие-то данные в разные журналы и, как понял Алексей, украдкой посматривал на новенького старшего лейтенанта.

— Начальник управления, — громко шепнул дежурный и вскочил со стула, проверяя, застегнут ли воротник гимнастерки.

Зыков тоже поспешно вскочил, едва не опрокинув стул. За время пребывания в госпитале он уже немного отвык от проявлений субординации в армии. Дежурный сверкнул негодующим взглядом, поймав рукой чернильницу, которая едва не опрокинулась, и прошипел:

— Тише ты! Как слон...

В коридор с шумом вошли высокий плечистый генерал и два офицера, один из которых в морской форме. Все были в мокрых плащ-палатках. Дежурный начал было докладывать как положено, что за время его дежурства ничего не случилось, но генерал только отмахнулся, что-то обсуждая со своими спутниками.

— Ну вот, — развел дежурный руками. — Я даже не знаю, как быть. Генерал занят, когда он освободится, я не имею представления. Бывает, что и к утру.

— Я не могу ждать до утра, — твердо сказал Зыков. — Я должен был явиться и доложить утром, а сейчас вечер. Как я буду объяснять, где болтался целые сутки? Я пойду и доложу сам!

— А, делай что хочешь! — вдруг разозлился дежурный. — Возьми свое предписание и топай на второй этаж по коридору направо.

Обрадовавшись такому повороту событий и опасаясь, как бы дежурный не передумал, Алексей схватил свое предписание и быстро пошел по коридору к лестнице. Бездействие, пустое ожидание выводили из себя, выматывали хуже любой физической работы. И, намучившись в дежурной части, Алексей готов был на любой разумный поступок, на любое действие. Лишь бы дело сдвинулось с мертвой точки, лишь бы что-то делать полезное. Он взбежал по скрипучей лестнице на второй этаж, поспешно козырнув какому-то встречному майору, и свернул в коридор. Полы здесь давно были не крашены, краска на стенах облупилась, под потолком висели две запыленные лампочки, которые давали мало света. «Что это они, — с удивлением подумал Зыков. — Тут кабинет генерала, начальника управления, и такой бедлам. Сарай, а не управление». По молодости лет и неопытности Алексею и в голову не могло прийти, что управление «заселилось» в это здание всего пять дней назад. Что для размещения управления предполагалось совсем другое место, но контратака немецких войск на этом участке фронта смешала планы квартирьеров. Так на фронте бывает не просто часто, а почти постоянно.

Постучав в дверь, Зыков решительно открыл ее и шагнул в небольшой кабинет с плот-

ными черными шторами на окнах. Генерал сидел за массивным столом, откинувшись на спинку стула, и постукивал по столу карандашом. Перед ним сидел капитан-лейтенант в морской форме, перед которым лежали какие-то бумаги. Оба повернули головы в сторону Алексея. Генерал глянул хмуро и негодующе, капитан — с усталой терпеливостью. Видно было, что глаза у него красные от недосыпания.

— Товарищ генерал, разрешите обратиться! — громко произнес Зыков, поднося руку к фуражке.

Он почему-то сразу почувствовал себя неудобно в своей новенькой отутюженной форме. У капитана были грязные сапоги, у самого генерала потрепанная и выгоревшая гимнастерка с полевыми погонами. Алексею показалось, что оба офицера первым делом обратили внимание на его парадный вид и даже не глянули на награды.

— Кто вам разрешил войти?

В голосе генерала прозвучало столько негодования и угрозы, что Зыков поежился. Но отступить было некуда. И Алексей решительно сказал:

— Я обязан доложить, что прибыл в ваше распоряжение после излечения в госпитале, товарищ генерал!

— Да чтоб тебя! — Генерал бросил на стол карандаш и неожиданно усмехнулся, сразу представ быть суровым и неприступным. — Нет, ты видал, Жуков, таких настырных лейтенантов? Субординацию коту под хвост, но молодец. Хороший опер из него получится. Вот ты его и забережь к себе в бригаду. У вас некомплект как раз.

— Товарищ генерал, да у нас же там намечается... — начал тихо бубнить капитан, чуть нагнувшись к начальнику управления. — Зачем нам зеленый, неопытный оперативник, нам матерые нужны...

— Ну, не такой уж он и зеленый, — генерал уже с серьезным лицом рассматривал молодого офицера, его награды, две нашивки за ранения. — Давайте ваши документы!

Просмотрев документы, генерал, как показалось Алексею, прочитал выписку из наградного листа еще раз и предписание тоже. Не поднимая головы, он коротко приказал: «Садись». Капитан молча барабанил по столу пальцами, ожидая решения генерала. Он явно нервничал, видимо, это был срочный доклад. По крайней мере, до появления Зыкова. Наконец генерал отложил бумаги, посмотрел на лейтенанта прямо и открыто.

— То, что ты человек опрятный, это хорошо тебя характеризует. Значит, есть в тебе об-